

*Все события, описанные в книге,
являются вымышленными. Любое совпадение
или частичное совпадение имен,
названий организаций и/или служб, так же
как и ситуаций, является случайным
и ненамеренным.*

ЧАСТЬ 1
ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ —
ДЕВУШКИ-СОДЕРЖАНКИ

Глава 1,

*в которой я сама, по доброй воле, открываю
дверь фирмы FBC
(4200 долларов США)*

Регулярная забота о здоровье не всегда безопасна. Иногда она может дать ровно противоположный эффект. Но куда денешься, если здоровье — это мой основной капитал. Кто-то, возможно, скажет, что красота, но я не соглашусь. Права была моя Адочка: красоту нарисовать любая дура сможет при определенном умении, а вот хороший мышечный тонус и способность пробежать десятикилометровый кросс ни за какие деньги не купишь. Зато можно вполне выгодно продать.

Итак, самое главное! Заповеди красивой и здоровой женщины: нужно обязательно пить побольше воды, причем простой, чистой, без газа и уж точно (упаси боже) без сладких вкусовых добавок. Газировка с сахаром — чистое орудие дьявола. Питаться же надо зеленым салатом и духовными ценностями. Особенно такая диета рекомендуется на мероприятиях. Имеются в виду всевозможные фуршеты, клубные вечеринки и party по случаю премьер или дней рождения каких-нибудь пуб-

личных деятелей. Кормят там, поверьте, не пойми чем, потому что еда на этих мероприятиях не главное. Вы что, жрать сюда пришли? Вы в своем уме? Вон в углу Анна Семенович стоит, два часа цедит один и тот же бокал шампанского. Берите с нее пример.

В ресторанах есть, конечно, можно. В некоторых. В «Третьяков-лаунж», например, очень даже можно или на «Балконе», но дорого. Девушкам моего положения пристало скорее делать вид, что мы можем себе это позволить, нежели на самом деле вести образ жизни стоимостью в сотни тысяч долларов. Если и на самом деле так жить, все может закончиться плохо. Деньги имеют поганое свойство проскальзывать сквозь пальцы и утекать. Большие деньги — особенно. А когда доход (если можно это назвать так) нестабилен, лучше быть умной девочкой и прятать заработанное в укромных уголках или «случайно» оставлять в карманах как можно больше. На черный день.

А кроме этого, каким бы крутым и качественным ни был ресторан, вы можете быть на сто процентов уверены, что вас там накормят чем-нибудь нехорошим — жирным или быстроуглеводным. Зачем? Если можно не мучиться, купить салат в «Азбуке вкуса» — один на весь день — и не переживать.

— Что вы будете?

— А какой у вас суп дня?

— Гаспаччо с крабом.

— Ой, нет. Не хочу. Ничего не хочу. Принесите кофе. Эспрессо. Нет, лучше капучино, только эту вашу жуткую корицу не сыпьте. — Капризничать тоже надо уметь. Но это, конечно, когда есть зритель.

Здоровье важно. Необходимо высыпаться, а с этим у меня проблем нет. Я приучила всех к тому, что Юлеч-

ка раньше двенадцати дня даже и глаз не открывает — только попробуй позвони. Тучки и взбучки обеспечены! Правда, за окном у меня теперь идет стройка, и это самый настоящий кошмар. Слава богу, жители написали жалобу и по ночам строить перестали. Но с восьми утра грохочут какими-то балками, орут, клацают железками — изверги рода человеческого. Хочешь спать — закрывай ставенки, и никакого тебе свежего воздуха. Сон красоты без воздуха — это деньги на ветер. Но тут уж ничего не поделаешь. Если город решил построить еще одну коробку для дорогих москвичей — его ничем не унять. Ладно, дышать будем за городом. Или, даже лучше, за границей. Что-то я уже с полгода никуда не летала. Непорядок.

Если стало совсем невмоготу, можно снять стресс йогой. Из всех спортивных нагрузок занятия йогой лучше всего позволяют организму не только натренироваться, но и укрепить мышцы. Йога приводит в баланс все энергетические уровни, снимает стресс, улучшает кровообращение... Бла-бла-бла. Впрочем, нельзя быть несправедливой. Йога — хорошая вещь. Обычно. Но не сегодня. И не для меня.

Я лежу на полу в гостиной, на упругом сине-голубом коврикe для занятий и постанываю от боли. Лежу я так уже минут сорок, по моим прикидкам. Может, больше. Точнее сказать не могу — часов на стене у меня нет (кстати, упущение), есть только настольные часы — жуткая вещь, фарфоровая, с толстыми ангелочками-купидами и цветами. Свинтус упоминал, что она стоила две штуки баксов. Мне нужен был будильник, и Свинтус притащил это чудовище. Ангелы там большие, а циферблат маленький. И вообще — ужасно пош-

лая и вульгарная штукавина, но убрать (тем более продать) не могу. Свинтусу нравится.

С того места, где я застыла в странной позе на коврике, ангельских часов видно не было, приподняться и повернуться немного вправо я не могла. Черт его знает, что случилось со мной в процессе исполнения Хавасаны, но при малейшем намерении пошевелиться всю спину, весь мой позвоночник пронизывала острая, режущая боль. Я могла только немного поворачивать голову из стороны в сторону. Справа — батарея под окном, слева — видно нижнюю часть массивного массажного кресла (еще одно дикое приобретение Свинтуса) и входную дверь в квартиру. Дизайнер, когда делал мне дизайн-проект квартиры, измучился, так как я требовала втиснуть в стандартные метры большую-пребольшую гостиную. В итоге он решил задачу просто и гениально, объединив прихожую, коридор и одну из комнат. Получилось здорово. Да, самой себе я это могу сказать. С самой собой мне незачем разыгрывать спектакли, верно? Это Свинтусу я выкрутила и снесла весь мозг, требуя, чтобы кафель в ванной комнате был не просто белоснежный, а с оттенком морозного инея. Это ему я отказывала в интимной близости целый месяц только потому, что ковер, который выбрала, оказался в единственном экземпляре и его кто-то купил раньше нас.

— Но я же привез тебе ковер даже дороже! Люлочка, я ведь не могу выкрасть твой чертов ковер? Что ты предлагаешь? Конфискацию устроить?

— Я ничего не предлагаю. Мне все нравится. И ковер этот, — тут я опускаю глаза вниз и тяжело вздыхаю, — мне тоже нравится.

— Тогда что?

— Просто я не в настроении. У меня голова болит. Я, кажется, заболела.

— Ты меня достала. Достала! — кричал он в таких случаях и уходил, хлопнув дверь. А она, кстати, — дверь — тоже стоила ему целого состояния.

Я только усмехнулась про себя. Достала? Отлично. Если мужиков не доставать и не нервировать, они становятся расслабленными и скучающими. А это не входит в программу мероприятия.

Мне нравится моя квартира (ужасные часы прощу в расчет не брать), нравится строгая черно-красная кухня, агрессивная и не вызывающая аппетита. Пусть Свинтус ест дома. Еще не хватало, чтобы я ему готовила. Я ему кто — жена?

Я не совсем в восторге от лепнины на потолке, окруженной какой-то дикой кучей художественно разбросанных по гипсокартону лампочек, но кто, скажите, будет пристально рассматривать потолок?

Хотя сейчас, лежа на коврике, у меня появились время и возможность все это безобразие оценить. Смотреть вверх я тоже могла с легкостью. Больше — ничего.

Что делать дальше — я совершенно не представляла. О том, чтобы двинуться или перевернуться, не шло и речи. Боль была адская. Зашемление нервов? Смещение диска? Перелом? Вывих? Все варианты были одинаково неприемлемы для меня. Черт бы побрал этих йогов и их убаюкивающие комментарии, что все делается мягко, без усилий, только для пользы и внутреннего баланса.

Баланс, как говорится, налицо. Лампочек в потолке — девятнадцать штук. Восемь больших и одиннадцать маленьких. У батареи двенадцать секций. Около двери

стоит четыре пары обуви и лежит несколько едва заметных клубков пыли. Я пересмотрела и пересчитала все, что только могла, раз по сто, а ситуация так и не улучшилась. Я уже начала смиряться с мыслью, что вот так буду валяться вплоть до прихода Свинтуса, который, возможно, заедет вечером, а возможно, и не заедет — как пойдет.

С учетом того, что сейчас (приблизительно) было около часа дня, перспектива не радовала. Можно было бы, конечно, ему позвонить, но для этого бы потребовался мобильный телефон, а он, по моим прикидкам, был брошен мной вместе с айпэдом в машине. Ключи от машины в моей сумке, сумка — в спальне, дверь в спальню — закрыта, ручка высоко, не достать. Ни одного шанса. Кроме того, машина в гараже, гараж в подвале, а в подвал нужно спускаться на лифте. А там еще идти. Да уж, мобильный телефон мне недоступен. Стационарного в моей квартире нет. Дом-то новый.

Значит, придется просто ждать. Я снова обратила взор к небесам (а именно к лампочкам на потолке) и прикрыла глаза. Уснуть бы, а там вдруг все как-нибудь само рассосется. В одном я теперь точно была уверена — никогда больше не стану оздоравливаться и добиваться баланса жизненных энергий с помощью йоги.

— Этого следовало ожидать! — сказала я громко. Собственный голос показался мне совсем чужим, но лежать просто так мне наскучило. — Это было неизбежно! — продолжила я. — Что в этом удивительного? Это же ты, Юлечка. Уж если надо для мировой гармонии кому-то что-то сломать или вывихнуть — судьба всегда выберет тебя!

Я попробовала подтянуться на руках. А-а, не получилось. Боль пронзила снова, лицо покрылось потом, и я тяжело задыхалась.

— Ну и сучья у меня карма! — крикнула я. — Что теперь? Рухнет дом? Чего тебе от меня надо?

Я рассмеялась, утирая слезы. Смех был горьким. Ну почему, почему всегда это происходит со мной? Я что — такой плохой человек? Я кому-то мешаю в системе мироздания?

Может, кому-то мои стенания покажутся надуманными, но только не мне. Жизнь проявляет ко мне персонально своеобразное чувство юмора. Бомба не должна падать в одно место дважды, но только не в моем случае.

Судьба! Если бы не защемило что-то там в спине, я бы вывихнула шею или сломала руку. Ноги я уже ломала — два раза, причем оба раза одну и ту же. Вторая пока цела, но, я полагаю, это только вопрос времени.

Вот так я лежала в полном бессилии и смеялась над иронией моей странной судьбы, когда в дверь позвонили.

Я никого не ждала. И это не мог быть Свинтус — у него есть ключи. Звонил кто-то чужой, но кто бы это ни был, он пришел в мою жизнь очень вовремя. Этот кто-то имел две неповрежденных ноги и руки и мог позвонить, вызвать «Скорую помощь», притащить какого-нибудь врача, в общем, сделать что-нибудь. Помочь мне.

— Я здесь! Я сейчас! — закричала я громко, потому что боялась, что, пока соображу, как доползти до входной двери (метра два — два с половиной), этот вестник свободы передумает и исчезнет. — Я уже иду!

Иду — это было сильно сказано. Кричать — это одно, а делать — совершенно другое. Я попыталась повернуться на бок, но это был плохой план. Он отнял у меня несколько минут, которые я провела рыча и матерясь от боли. Тогда я решила пойти (вернее, поползти) дру-

гим путем. Воспользовавшись стилем паука, я уперла руки в пол, согнула ноги в коленях и принялась толкать себя вместе с ковриком в сторону двери.

— Только не уходите! — крикнула я на всякий случай.

Словно в ответ на мои молитвы человек за дверью снова нажал на кнопку звонка, и надо мной, услаждая слух, полетела птичья трель.

— Да-да, я сейчас!

Дело двигалось. Хорошая штука — адреналин. Обезболивает и придает сил. Я ползла, стараясь не думать о том, как эта спортивная каракатица смотрится со стороны. Впрочем, какое мне дело, кто и что обо мне подумает? Еще вопрос — кто? Может, консьержка? Пришла спросить, когда я перестану хлопать входной дверью и начну ее придерживать? Клянусь, что с этого же дня и начну! Только почините меня, чтобы я могла вообще дойти до двери. Или это дворник? Я опять выкинула мусор из машины на пол гаража? Могла, каюсь. Этой ужасной привычке я научилась у Свинтуса.

— У нас полный город черножопых¹, им платят, чтобы они убирали мусор. Вот пусть и убирают, — гово-

¹ Появление данной (и подобных ей) фразы в произведениях вызвано тем фактом, что таковые «мнения», выражения и «позиции» я слишком часто слышу и встречаю в жизни от людей, считающих себя вполне воспитанными и даже «культурными». Являясь искренним сторонником полного равенства и равноправия людей, я глубоко возмущена отвратительным проявлением расовой и гражданской дискриминации, получившей распространение сегодня. Осознавая в полной мере, насколько дико звучат такие слова из уст героя, я решила записать подобные «мнения» в том виде, в котором они были мною услышаны от реальных лиц. Надеюсь, что речь персонажа вызовет в читателях протест против шовинистических настроений. — *Прим. авт.*

рил он, вышвыривая в окно пустые пачки из-под сигарет и стаканы из-под молочных коктейлей, которые обожает и пьет литрами. Свинтус — патологический чистюля, но чистота ему нужна только на его территории: в машине, в лифте его дома, на кухне. А на улицах города — пусть черножопые убирают, им за это платят.

Да, это было плохо, так делать нельзя. Тем более наш дворник Тимофей, к примеру, совершенно «беложопый» (извиняюсь за мой язык, груба, груба) и русский, тут был и вовсе ни при чем. Но Свинтус — природный хам и придурок, так что ему все равно ничего доказать нельзя.

— Ну и что дальше? — Я выдохнула и огляделась по мере возможности.

Дверь теперь была в пределах моей досягаемости, то есть я могла прикоснуться к ней рукой или ногой. И что? Замки — а они у меня ой какие хорошие, аж две штуки — располагались намного выше. Их требовалось открыть, для этого нужно было приподняться, а этого я и не могла сделать.

Я вдохнула побольше воздуха, зажмурилась, уперла одну руку в пол, а другую вытянула и рвану-у-ула...

— А-а-а! — заорала я.

Однако крутануть ручку одного из замков мне все-таки удалось. Второй замок, слава богу, открывался нажатием кнопки. До нее можно было попробовать дотянуться ногой, но сначала мне требовалось немного отлежаться. Я крикнула:

— Вы еще там?

— Да! — раздался незнакомый женский голос.

Все-таки консьержка?

— Секундочку! — взмолилась я, после чего прицелилась и принялась поднимать ногу.

Не могу сказать, что это было легко: это было очень, очень тяжело и больно, но я дотянулась. Минут за пять, однако смогла.

— Открывайте!

— Я? — спросил голос.

— Да, вы. Я не могу. Я замок открыла. Только резко не дергайте, а то я тут лежу... — попросила я, но, похоже, меня не услышали.

Дверь распахнулась скорее резко, чем мягко. Резче, чем это было необходимо, уж точно. Если я вот так открываю двери в подъезде, неудивительно, что консьержка меня терпеть не может. Что ж, сейчас это не важно. Сейчас она должна в любом случае проявить человеколюбие и помочь мне.

— Ай! — вскрикнула я, получив дверью по бедру.

— Извините, — пробормотала гостья.

Я так и не поняла, кто она, но точно знала — это не наша консьержка. Я не могла увидеть многого со своей позиции, распластавшись на кафельном покрытии (Испания, авторская коллекция, 200 долларов за кв. метр), но консьержка у нас носила старые стоптанные тапки и трикотажные чулки (б-р-р, мерзость!), гостья же была обута в высокие сапоги из тонкой кожи бежевого цвета, явно дорогие, со сложной вышивкой на голенище. Сапоги были совершенно чистые, что тоже не сочеталось с образом нашей консьержки.

Я посмотрела выше: телесного цвета колготы на довольно коротких и полных, если быть честной, ногах. При такой длине ног нужно, по крайней мере, сделать, чтобы они были вдвое тоньше. Длина платья с моего места казалась чересчур смелой. Слишком многое было доступно моему взору. Платье было синим, это все, что

я могла сказать. Дальше мне было видно плохо. Сверху на меня удивленно смотрело женское лицо округлой формы, с достаточно большими глазами и ярко накрашенными губами. Помада вишневого цвета не слишком-то идет блондинкам, это скорее вариант для Бело-снежек (белая кожа, черные волосы, вишневые губы). Тут был налицо (вернее, на лице) серьезный загар. Скорее всего, не обошлось без бронзатора. Я бы даже могла назвать приблизительно марку бронзатора, который делает загар таким неровным. Больше я ничего не могла сказать об этом лице. Но выражение на нем явно было несколько озадаченное и не слишком-то дружелюбное.

— Вы Юля? — спросила незнакомая гостья.

— Да, — ответила я. — А вы?

— Я Марина, — сказала незнакомка, словно это должно было мне как-то прояснить ситуацию.

Переступив через меня, что было, надо признать, совершенно неприличным и крайне неприятным, она прошла в мою гостиную. Я, насколько смогла, проследила за ней взглядом, но вскоре гостья вышла из поля моего зрения.

— Мы знакомы? — спросила я.

Она ответила не сразу:

— В каком-то смысле. А почему вы лежите?

Надо признать, ее вопрос был задан своевременно. Боль после моих попыток открыть дверь усилилась и стала непереносимой, даже когда я не шевелилась.

— Я защемила спину. Занималась йогой, и что-то такое случилось. Ужасно больно, просто до слез. Я тут уже целый час лежу, вы не могли бы «Скорую», что ли, вызвать? Если честно, я просто в отчаянии. Не знаю, что делать.

— Увлекаетесь йогой? — поинтересовалась Марина.

Там, вне поля моего зрения, явно что-то происходило. Раздавались звуки. Что-то стукнуло, потом раздался шелест. Хлопнула дверца шкафа. Воровка? Но как могла она догадаться, что я окажусь в таком беспомощном положении? Как могла она позвонить именно в мою дверь? Гипнотизерша? Черный маг?

— Да. То есть нет. Уже нет. Послушайте, вы не могли бы вернуться, я вас не вижу, — спросила я недовольным тоном.

— Не могла бы, — коротко ответила Марина.

Никакого интереса к моей спине эта коротконожка не проявляла. Я начала волноваться еще сильнее. Вдруг она решила меня ограбить и убить?

— Что вам нужно?

— Мне? Ничего! — сказала она, и тон ее мне совершенно не понравился. — Гораздо интереснее, чего хотите вы.

— Имейте в виду, у нас в доме установлено видеонаблюдение. Что бы вы ни сделали, вас потом найдут. У меня есть связи...

— Это точно. У вас есть связи, — хмыкнула Марина.

Я прикусила губу, уперла руки и ноги в пол и принялась мучительно разворачиваться.

Что за нафиг? Какая-то нелепость!

— Что вам нужно? Зачем вы пришли? Как вы вошли в дом? Вы почтальон? Вы продаете косметику? Я у вас ничего не куплю, но если вы сейчас вызовете мне врача, я вам просто заплачу за это.

— Откуда у вас эти часы? — спросила Марина.

— Какие часы? — опешила я.

— Вот эти! С ангелочками, фарфоровые. С золотым циферблатом. — Голос у Марины вдруг взлетел вверх и почти перешел на визг.

— Муж подарил, — пробормотала я.

— Муж?! — крикнула Марина. — Хочешь сказать, мой муж подарил? А не хочешь ли узнать ты, дрянь, что я лично купила эти часы в Израиле? Я их сама выбирала, а потом они куда-то просто исчезли из дома. Зато теперь я понимаю, куда они исчезли! Что? Что молчишь, а? Сука ты последняя! Спину тебе защемило? Может, выкинуть тебя из окна?!

Я онемела. Суровая правда жизни начала доходить до меня во всей своей суровости. На этот раз судьба действительно переиграла меня. Марина, жена Свинтуса, возвышалась надо мной, как скала, а я беспомощно валялась у ее ног и никак не могла повлиять на ситуацию.

— Или, может, лицо тебе облить кислотой? Что молчишь? Думаешь, не смогу!

— Не надо! — простонала я.

Все складывалось намного хуже, чем я могла представить. Какой кошмар! Нет, судьба точно меня ненавидит. Ну почему эта Марина не могла прийти в какой-то другой день? Когда я была на ногах. Справиться с ней в любой другой день было бы для меня не проблемой. Я тренированная, сильная. Я в свое время проходила курс самообороны и очень хорошо знаю, куда нужно двинуть, чтобы человек моментально задохнулся от боли. А теперь я сама лежу и задыхаюсь от боли, буквально ничего не могу в целях самозащиты. Марина, черт тебя побери, откуда ты взялась на моем пороге!

— А почему бы и нет? Кислоту я взяла. Лежишь? — Она вдруг направилась ко мне, от чего я побелела. — Удобно?

— Не надо. Пожалуйста!

— Плевала я на твои «пожалуйста»! — фыркнула она, бросая сумку прямо рядом с моей головой.

В этой сумке могла лежать эта самая кислота. Кошмар, неужели же все кончится вот так? Хватит ли у меня денег на пластическую операцию? Черт, о чем я думаю?

Марина присела на корточки и достала из кармана пачку сигарет.

— Куришь? — спросила она любезным тоном.

— Нет, — покачала я головой.

— Это правильно. От сигарет портится цвет лица. При твоей проститутской жизни цвет лица нужен хороший, верно? Но сейчас, может, и стоило бы тебе покурить. Говорят, успокаивает. А тебе очень даже есть из-за чего беспокоиться. Будешь курить? — еще раз спросила она.

Я чувствовала, как вопреки всем доводам разума и сложившейся ситуации во мне растет бешенство. То самое бешенство и гнев, в котором я страшна самой себе.

— Не буду, — буркнула я, глядя Марине в глаза.

Она помолчала. Потом вздохнула, вертя в руке пачку сигарет.

— Ну и зря.

— Ты бы тоже не курила, Марина. И не ела бы. Кстати, от бронзатора цвет лица еще сильнее портится, чем от сигарет, — заметила я.

Марина, зажав в зубах неприкуренную сигарету, уставилась на меня в изумлении.

— Да как ты смеешь?! — крикнула она и замахнулась.

Я, не помня себя от ярости и боли, бросилась вперед и вцепилась ей в волосы. Помирать, так с музыкой! Или